

Внеклассное чтение 2 класс. Хрестоматия

для учреждений образования,
реализующих образовательные программы
общего среднего образования,
с белорусским языком обучения и воспитания

Оглавление

Алексей Плещеев	3
Осень наступила.....	3
Скучная картина!..	4
Травка зеленеет...	5
Афанасий Фет	6
Ласточки пропали...	6
Иван Соколов-Микитов	7
Ёж.....	7
Пролетело жаркое лето.....	8
Лес осенью.....	9
Владимир Маяковский.....	10
Что такое хорошо и что такое плохо?	10
Лев Толстой.....	15
Косточка	15
Лгун.....	16
Старый дед и внучек.....	17
Русские народные сказки	18
Гуси-лебеди.....	18
Лисичка-сестричка и волк	22
Два Мороза	25
Морозко	29
Владимир Одоевский.....	33
Мороз Иванович	33
Иван Соколов-Микитов	36
Зима в лесу.....	36
Тетерева	37
Беляк и Кунца.....	38
У старой сосны	39
Медвежья семья.....	40
На краю леса	41
Владимир Орлов	42
Ночной гость	42
Здравствуй, Родина моя!.....	43
Живой букварь.....	44
Иван Суриков.....	45
Лето («Ярко солнце светит...»)	45
Михаил Пришвин	46
Моя родина.....	46

Алексе́й Пळेщеев

Осень наступила...

Осень наступила,
Высохли цветы,
И глядят уныло
Голые кусты.

Вянет и желтеет
Травка на лугах,
Только зеленеет
Озимь¹ на полях.

Туча небо кроет,
Солнце не блестит,
Ветер в поле воет,
Дождик моросит...

Зашумели воды
Быстрого ручья,
Птички улетели
В тёплые края.

¹ Озимь – осенние посевы пшеницы, прорастающие осенью и зимующие под снегом.

Скучная картина!..

Скучная картина!
Тучи без конца,
Дождик так и льётся,
Лужи у крыльца...
Чахлая рябина
Мокнет под окном;
Смотрит деревушка
Сереньким пятном.
Что ты рано в гости,
Осень, к нам пришла?
Ещё просит сердце
Света и тепла!..

Травка зеленеет...

Травка зеленеет,
Солнышко блестит;
Ласточка с весною
В сéни¹ к нам летит.
С нею солнце краше
И весна милей...
Прощебечь с дороги
Нам привет скорей!
Дам тебе я зёрен,
А ты песню спой,
Что из стран далёких
Принесла с собой...

¹ Сэни – нежилые помещения в деревенской избе или старом доме, что находились между крыльцом и жилым помещением.

Афанасий Фет

Ласточки пропали...

Ласточки пропали,
А вчера зарёй
Всё грачи летали
Да, как сеть, мелькали
Вон над той горой.

С вечера всё спится,
На дворе темно.
Лист сухой валится,
Ночью ветер злится
Да стучит в окно.

Лучше б снег да вьюгу
Встретить грудью рад!
Словно как с испугу
Раскричавшись, к югу
Журавли летят...

Иван Соколов-Микитов

Ёж

Через пни и колоды, через высокие заросшие кочки, через лесные открытые поляны пробирается в своё логово ёж.

Осенью у ежей мало добычи. Попрятались в землю черви, скрылись юркие ящерицы, в клубки свились скользкие змеи и чёрные ужи. Трудно находить жуков и глупых лягушек.

В ясные осенние дни готовит себе хлопотливый труженик ёж тёплое зимовище. Ночью и днём таскает в нору под старым пнём душистые сухие листочки и мягкий лесной мох — стелет зимнюю постель.

Скоро заберётся ёж в своё логово на всю долгую зиму. Больше не станет бегать по лесу, ловить червей и жуков.

Придёт зима, накроет его нору глубокий снежный сугроб.

Под глубоким сугробом, как под толстым пушистым одеялом, тепло ежу. Никто не найдёт его логова, никто не разбудит.

До весеннего солнышка всю зиму проспит ёж, и будут ему сниться лесные ежиные сны.

Пролетело жаркое лето...

Пролетело жаркое лето. Пришёл сентябрь.

После знойного лета, после августовских тёплых дней наступила золотая осень. По опушкам лесов ещё растут подосиновики, сыроежки и душистые рыжики. На старых больших пнях жмутся тонконогие опёнки... В эти осенние дни многие птицы готовятся к отлёту.

А некоторые от холода и голода поторопились улететь раньше. Уже улетели ласточки и быстрокрылые стрижи... В шумные стайки собираются скворцы, улетают на юг певчие птицы...

Осеннее солнышко не обжигает лицо.

Оно греет мягко и ласково, как будто нежно гладит на прощание кожу....

Лес осенью

Красив и печален русский лес в ранние осенние дни. Медленно кружась в воздухе, падают и падают с берёз лёгкие, невесомые жёлтые листья. От дерева к дереву протянулись тонкие серебристые нити лёгкой паутины. Ещё цветут поздние осенние цветы.

Прозрачен и чист воздух. Прозрачна вода в лесных канавах и ручьях. Каждый камешек на дне виден.

Тихо в осеннем лесу. Лишь шелестит под ногами опавшая листва. Иногда тонко просвистит рябчик. И от этого тишина ещё слышнее.

Легко дышится в осеннем лесу. И долго не хочется уходить из него. Хорошо в осеннем цветистом лесу... Но что-то грустное, прощальное слышится и видится в нём.

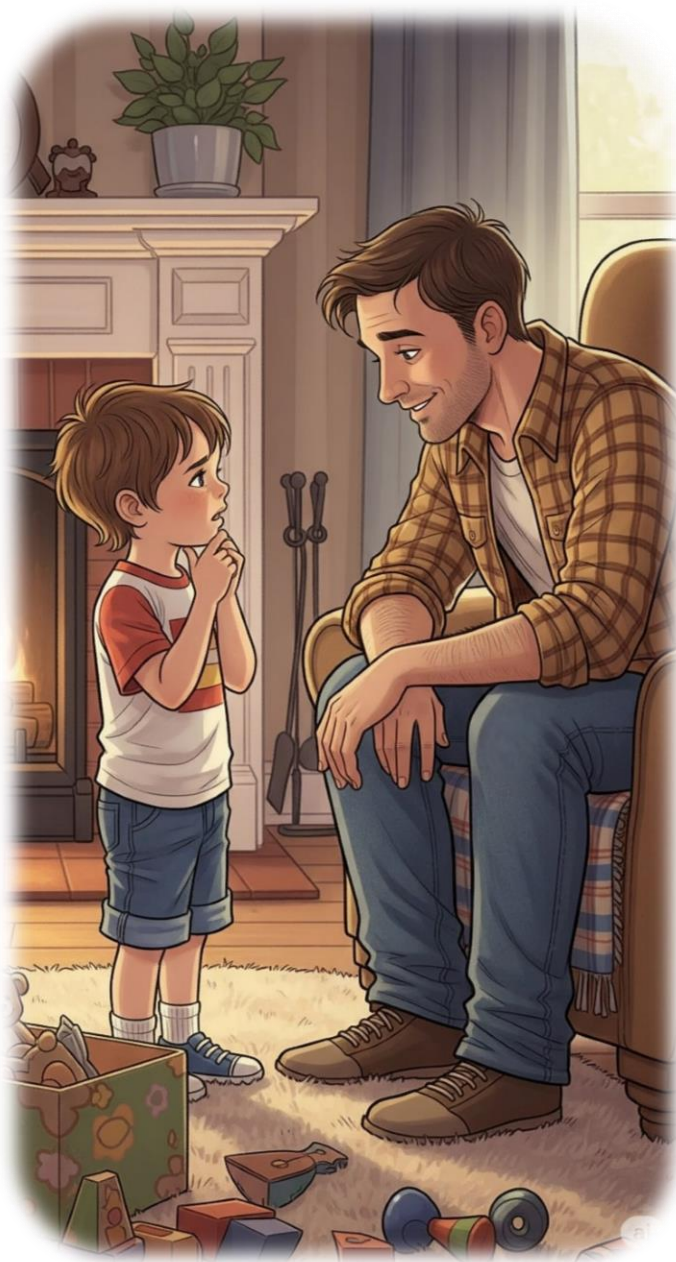

Владимир Маяковский

Что такое хорошо и что такое плохо?

Крошка сын
к отцу пришёл,
и спросила кроха:
– Что такое
хорошо
и что такое
плохо? –
У меня
секретов нет, –
слушайте, детишки, –
папы этого
ответ
помещаю
в книжке.

– Если ветер
крыши рвёт,
если
град загрохал, –
каждый знает –
это вот
для прогулок
плохо.

Дождь покапал
и прошёл.
Солнце
в целом свете.
Это –
очень хорошо
и большим
и детям.

Если
сын
чернее ночи,
грязь лежит
на рожице, –
ясно,
это
плохо очень
для ребячьей кожицы.

Если
мальчик
любит мыло
и зубной порошок,
этот мальчик
очень милый,
поступает хорошо.

Если бьёт
дрянной драчун
слабого мальчишку,
я такого не хочу
даже
вставить в книжку.

Этот вот кричит:
– Не трожь
тех,
кто меньше ростом!-
Этот мальчик
так хорош,
загляденье просто!
Если ты
порвал подряд
книжицу
и мячик,
октябрята говорят:
плоховатый мальчик.

Если мальчик
любит труд,
тычет
в книжку
пальчик,
про такого
пишут тут:
он
хороший мальчик.

От вороны
карапуз
убежал, заохав.
Мальчик этот
просто трус.
Это
очень плохо.

Этот,
хоть и сам с вершок,
спорит
с грозной птицей.
Храбрый мальчик,
хорошо,
в жизни
пригодится.
Этот
в грязь полез
и рад.
что грязна рубаха.
Про такого
говорят:
он плохой,
неряха.
Этот
чистит валенки,
моет
сам
галоши.
Он
хоть и маленький,
но вполне хороший.

Помни
это
каждый сын.
Знай
любой ребёнок:
вырастет
из сына
свин,
если сын —
свинёнок,
Мальчик
радостный пошёл,
и решила кроха:
«Буду
делать хорошо,
и не буду —
плохо».

Лев Толстой

Косточка

Купила мать слив и хотела их дать детям после обеда. Они лежали на тарелке. Ваня никогда не ел слив и всё нюхал их. И очень они ему нравились. Очень хотелось съесть. Он всё ходил мимо слив. Когда никого не было в горнице¹, он не удержался, схватил одну сливу и съел.

Перед обедом мать сочла сливы и видит, одной нет. Она сказала отцу.

За обедом отец и говорит:

— А что, дети, не съел ли кто-нибудь одну сливу?

Все сказали:

— Нет.

Ваня покраснел, как рак, и сказал тоже:

— Нет, я не ел.

Тогда отец сказал:

— Что съел кто-нибудь из вас, это нехорошо; но не в том беда. Беда в том, что в сливах есть косточки, и если кто не умеет их есть и проглотит косточку, то через день умрёт. Я этого боюсь.

Ваня побледнел и сказал:

— Нет, я косточку бросил за окошко.

И все засмеялись, а Ваня заплакал.

¹ Горница — комната, расположенная в верхней части дома.

Лгун

Мальчик стерёг овец и, будто увидав вóлка, стал звать: «Помогите, волк! волк!»

Мужики прибежали и видят: неправда.

Так сделал он так и два и три раза, случилось — и вправду набежал волк.

Мальчик стал кричать: «Сюда, сюда скорей, волк!»

Мужики подумали, что опять по-всегдашнему обманывает, — не послушали его.

Волк видит, бояться нечего: на просторе перерéзал¹ всё стадо.

¹ Перерéзать — загрызть всех.

Старый дед и внучек

Стал дед очень стар. Ноги у него не ходили, глаза не видели, уши не слышали, зубов не было. И когда он ел, у него текло назад изо рта. Сын и невестка перестали его за стол сажать, а давали ему обедать за печкой. Снесли ему раз обедать в чашке. Он хотел её подвинуть, да уронил и разбил. Невестка стала бранить старика за то, что он им всё в доме портит и чашки бьёт, и сказала, что теперь она ему будет давать обедать в лохánке¹. Старик только вздохнул и ничего не сказал. Сидят раз муж с женой дома и смотрят — сынишка их на полу дощечками играет — что-то слаживает. Отец и спросил: «Что ты это делаешь, Миша?» А Миша и говорит: «Это я, батюшка, лоханку делаю. Когда вы с матушкой стары будете, чтобы вас из этой лоханки кормить».

Муж с женой поглядели друг на друга и заплакали. Им стало стыдно за то, что они так обижали старика; и стали с тех пор сажать его за стол и ухаживать за ним.

¹ Лохánка — круглая или овальная посуда для стирки белья, мытья посуды или других хозяйственных надобностей.

Русские народные сказки

Гуси-лебеди

Жили мужик да баба. У них была дочка да сынок маленький.

— Доченька, — говорила мать, — мы пойдём на работу, береги братца! Не ходи со двора, будь умницей — мы купим тебе платочек.

Отец с матерью ушли, а дочка позабыла, что ей приказывали: посадила братца на травке под окошко, сама побежала на улицу, заигралась, загулялась.

Налетели гуси-лебеди, подхватили мальчика, унесли на крыльях.

Вернулась девочка, глядь — братца нету! Ахнула, кинулась туда-сюда — нету!

Она его кликала, слезами заливалась, причитывала, что худо будет от отца с матерью, — братец не откликнулся. Выбежала она в чистое поле и только видела: метнулись вдалеке гуси-лебеди и пропали за тёмным лесом.

Тут она догадалась, что они унесли её братца: про гусей-лебедей давно шла дурная слава — что они пошаливали, маленьких детей уносили. Бросилась девочка догонять их. Бежала, бежала, увидела — стоит печь.

— Печка, печка, скажи, куда гуси-лебеди полетели?

Печка ей отвечает:

— Съешь моего ржаного пирожка — скажу.

— Стану я ржаной пирог есть! У моего батюшки и пшеничные не едятся...

Печка ей не сказала.

Побежала девочка дальше — стоит яблоня.

— Яблоня, яблоня, скажи, куда гуси-лебеди полетели?

— Поешь моего лесного яблочка — скажу.

— У моего батюшки и садовые не едятся...

Яблоня ей не сказала.

Побежала девочка дальше. Течёт молочная река в кисельных берегах.

— Молочная река, кисельные берега, куда гуси-лебеди полетели?

— Поешь моего простого киселька с молочком — скажу.

— У моего батюшки и сливочки не едятся...

Долго она бегала по полям, по лесам.

День клонится к вечеру, делать нечего — надо идти домой. Вдруг видит — стоит избушка на курьей ножке, об одном окошке, кругом себя поворачивается.

В избушке старая баба-яга прядёт кудель¹. А на лавочке сидит братец, играет серебряными яблочками.

Девочка вошла в избушку:

— Здравствуй, бабушка!

— Здравствуй, девица! Зачем на глаза явилась?

— Я по мхам, по болотам ходила, платье измочила, пришла погреться.

— Садись покуда кудель прясть.

Баба-яга дала ей веретено, а сама ушла.

Девочка прядёт — вдруг из-под печки выбегает мышка и говорит ей:

— Девица, девица, дай мне кашки, я тебе добренькое скажу.

Девочка дала ей кашки, мышка ей сказала:

— Баба-яга пошла баню топить. Она тебя вымоет-выпарит, в печь посадит, зажарит и съест, сама на твоих костях покатается.

¹ Кудель — волокна льна, шерсти, приготовленные для прядения.

Девочка сидит ни жива, ни мертва, плачет, а мышка ей опять:

— Не дожидайся, бери братца, беги, а я за тебя кудель попряду.

Девочка взяла́ братца и побежала.

А баба-яга подойдёт к окошку и спрашивает:

— Девица, прядёшь ли?

Мышка ей отвечает:

— Пряду, бабушка...

Баба-яга баню вытопила и пошла за девочкой. А в избушке нет никого.

Баба-яга закричала:

— Гуси-лебеди! Летите в погоню! Сестра братца унесла!..

Сестра с братцем добежала до молочной реки. Видит — летят гуси-лебеди.

— Речка, матушка, спрячь меня!

— Поешь моего простого киселька.

Девочка поела и спасибо сказала. Река укрыла её под кисельным бережком.

Гуси-лебеди не увидали, пролетели мимо.

Девочка с братцем опять побежала. А гуси-лебеди воротились, летят навстречу, вот-вот увидят. Что делать? Беда! Стоит яблоня...

— Яблоня, матушка, спрячь меня!

— Поешь моего лесного яблочка.

Девочка поскорее съела и спасибо сказала. Яблоня её заслонила ветвями, прикрыла листьями.

Гуси-лебеди не увидали, пролетели мимо.

Девочка опять побежала. Бежит, бежит, уж недалеко осталось. Тут гуси-лебеди увидели её, загоготали — налетают, крыльями бьют, того гляди, братца из рук вырвут.

Добежала девочка до печки:

— Печка, матушка, спрячь меня!

— Поешь моего ржаного пирожка.

Девочка скорее — пирожок в рот, а сама с братцем — в печь, села в ўстьице¹.

Гуси-лебеди полетали-полетали, покричали-покричали и ни с чем улетели к бабе-яге.

Девочка сказала печи спасибо и вместе с братцем прибежала домой.

А тут и отец с матерью пришли.

¹ Ўстьице — в данном случае: широкое отверстие в русской печи, которое ведёт в топку.

Лисичка-сестричка и волк

Жили себе дед да баба. Дед говорит бабе:

– Ты, баба, пеки пироги, а я запрягу сани да поеду за рыбой.

Наловил рыбы и везёт домой целый воз.

Вот едет он и видит: лисичка свернулась калачиком и лежит на дороге. Дед слез с вóза, подошёл к лисичке, а она не ворохнётся, лежит себе как мёртвая.

– Вот будет подарок жене! – сказал дед, взял лисичку и положил на воз, а сам пошёл впереди.

А лисичка улучила время и стала выбрасывать полегоньку из воза всё по рыбке да по рыбке, всё по рыбке да по рыбке. Повыбросила всю рыбу и сама ушла.

– Ну, старуха, – говорит дед, – какой воротник привёз я тебе на шубу!

– Где?

– Там на возу – и рыба, и воротник.

Подошла баба к возу: ни воротника, ни рыбы – и начала ругать мужа:

– Ах ты, такой-сякой! Ты ещё вздумал обманывать!

Тут дед смекнул, что лисичка-то была не мёртвая. Погоревал, погоревал, да делать нечего.

А лисичка собралá всю разбросанную рыбу в кучку, уселась на дорогу и кушает себе.

Приходит к ней серый волк:

– Здравствуй, сестрица!

– Здравствуй, братец!

– Дай мне рыбки!

– Налови сам, да и кушай.

– Я не умею.

– Эка, ведь я же наловила! Ты, братец, ступай на реку, опусти хвост в прорубь, сиди да приговаривай: «Ловись, рыбка, и мала, и велика! Ловись, рыбка, и мала, и велика!» Рыбка к тебе сама на хвост нацепится. Да смотри сиди подольше, а то не наловишь.

Волк и пошёл на реку, опустил хвост в прорубь и начал приговаривать:

– Ловись, рыбка, и мала, и велика!

Ловись рыбка, и мала, и велика!

Вслед за ним и лиса явилась; ходит около волка да причитывает:

– Ясни, ясни на небе звёзды, Мёрзни, мёрзни, волчий хвост!

– Что ты, лисичка-сестричка, говоришь?

– То я тебе помогаю.

А сама, плутовка, поминутно твердит:

– Мёрзни, мёрзни, волчий хвост!

Долго-долго сидел волк у проруби, целую ночь не сходил с места, хвост его и приморозило; пробовал было приподняться: не тут-то было!

«Эка, сколько рыбы привалило – и не вытащишь!» – думает он.

Смотрит, а бабы идут за водой и кричат, завидя серого:

– Волк, волк! Бейте его, бейте его!

Прибежали и начали колотить волка – кто коромыслом, кто ведром, кто чем попало. Волк прыгал, прыгал, оторвал себе хвост и пустился без оглядки бежать.

«Хорошо же, – думает, – уж я тебе отплачу, сестрица!»

Тем временем, пока волк отдувался своими боками, лисичка-сестричка захотела попробовать, не удастся ли ещё что-нибудь стянуть. Забралась в одну избú, где бабы пекли блины, да попала головой в кадку с тестом, вымазалась и бежит. А волк ей навстречу:

– Так-то учишь ты? Меня всего исколотили!

– Эх, волчику-братику! – говорит лисичка-сестричка. – У тебя хоть кровь выступила, а у меня мозг, меня больней твоего прибили: я насилу плетусь.

– И то правда, – говорит волк, – где уж тебе, сестрица, идти, садись на меня, я тебя довезу.

Лисичка села ему на спину, он её и повёз.

Вот лисичка-сестричка сидит да потихоньку напевает:

– Битый небитого везёт. Битый небитого везёт!

– Что ты, сестрица, говоришь?

– Я, братец, говорю: «Битый битого везёт».

– Так, сестрица, так!

Два Морóза

Гуляли по чистому полю два Мороза, два родных брата, с ноги на ногу поскакивали, рукой об руку поколачивали. Говорит один Мороз другому:

— Братец Мороз — Багровый нос! Как бы нам позабавиться — людей поморозить?

Отвечает ему другой:

— Братец Мороз — Синий нос! Коль людей морозить — не по чистому нам полю гулять. Поле всё снегом занесло, все проезжие дороги замело; никто не пройдёт, не проедет. Побежим-ка лучше к чистому бóру! Там хоть и меньше простору, да, зато забавы будет больше. Все нет-нет, да кто-нибудь и встретится по дороге.

Сказано — сделано. Побежали два Мороза, два родных брата, в чистый бор. Бегут, дорогой тешатся: с ногí нá ногу попрыгивают, по ёлкам, по сосёнкам пощёлкивают. Старый ельник трещит, молодой сосняк поскрипывает. По рыхлому ль снегу пробегут — кора ледяная; былинка ль из-под снега выглядывает — дунут, словно бисером её всю ун́ижут¹.

Послышали они с одной стороны колокольчик, а с другой бубенчик: с колокольчиком барин едет, с бубенчиком — мужичок.

Стали Морозы судить да рядить², кому за кем бежать, кому кого морозить.

Мороз — Синий нос, как был моложе, говорит:

— Мне бы лучше за мужичком погнаться. Его скорее дойму: полушубок старый, заплатанный, шапка вся в дырах, на ногах, кроме

¹ Ун́ижут — нанизывать (нить, стержень и т. п.).

² Судить да рядить — разговаривать, беседовать.

лаптишек, ничего. Он же, никак дрова рубить едет... А уж ты, братец, как посильнее меня, за барином беги. Видишь, на нём шуба медвежья, шапка лисья, сапоги волчьи. Где уж мне с ним! Не совладаю¹.

Мороз — Багровый нос только подсмеивается.

— Молод, говорит, ты ещё братец!.. Ну, да уж быть, по-твоему. Беги за мужичком, а я побегу за барином. Как сойдёмся под вечер, узнаем, кому была легка работа, кому тяжела. Прощай покамест²!

— Прощай, братец!

Свистнули, щёлкнули, побежали.

Только солнышко закатилось, сошлись они опять на чистом поле. Спрашивают друг друга:

— Что?

— То-то, я думаю, намáялся³ ты, братец, с барином-то, — говорит младший, — а толку, глядишь, не вышло никакого. Где его было пронять!

Старший посмеивается себе.

— Эх, — говорит, — братец Мороз — Синий нос, молод ты и прост. Я его так уважил, что он час будет греться — не отогреется.

— А как же шуба-то, да шапка-то, да сапоги-то?

— Не помогли. Забрался я к нему и в шубу, и в шапку, и в сапоги да как начал знобить! Он-то ёжится, он-то жмётся да кутается, думает: —дай-ка я ни одним суставом не шевельнусь, авось⁴ меня тут мороз не одолеет. Ан не тут-то было! Мне-то это и с руки. Как принялся я за него — чуть

¹ Не совладаю — разг., не справлюсь, не одолею, не осилю.

² Покамест — пока.

³ Намáяться — разг., сильно устать от чего-либо.

⁴ Авось — может быть.

живого в городе из повозки выпустил. Ну, а ты что со своим мужичком сделал?

— Эх, братец Мороз — Багровый нос! Плохую ты со мною шутку сшутил, что вовремя не образумил. Думал — заморожу мужика, а вышло — он же отломал мне бока.

— Как так?

— Да вот как. Ехал он, сам ты видел, дрова рубить. Дорóгой, нáчал было я его понимать: только он всё не робеет — ещё ругается: такой, говорит, сякой этот мороз! Совсем даже обидно стало; принялся я его ещё пуще щипать да колоть. Только ненадолго была мне эта забава. Приехал он на место, вылез из саней, принялся за топор. Я-то думаю: «Тут мне сломить его». Забрался к нему под полушубок, давай его язвить¹. А он-то топором машет, только щепки кругом летят. Стал даже пот его прошибать.

Вижу: плохо — не усидеть мне под полушубком. Под конец йнда² пар от него повалил. Я прочь поскорее. Думаю: «Как быть?» А мужик всё работает да работает. Ему бы зябнуть, а ему жарко стало. Гляжу — скидáет с себя полушубок. Обрадовался я. «Погоди ж, говорю, вот я тебе покажу себя». Полушубок весь мокрёхонек. Я в него — забрался везде, заморозил так, что он стал лубок лубком³. Надевай-ка теперь, попробуй! Как покончил мужик своё дело да подошёл к полушубку, у меня и сердце взыграло: то-то потешусь! Посмотрел мужик и принялся меня ругать — все слова перебрал, что нет их хуже.

¹ Язвить — колоть, обижать.

² Йнда — даже.

³ Стал лубок лубком — стал как картинка: застывший, неподвижный, словно нарисованный. То есть его заморозили так сильно, что он стал как иллюстрация — без движения, с чёткими чертами.

«Ругайся! — думаю я себе, — ругайся! А меня всё не выживешь!» Так он бранью не удовольствовался. Выбрал полено подлиннее да посучковатее, да как примется по полушубку бить! По полушубку бьёт, а меня всё ругает. Мне бы бежать поскорее, да уж больно я в шерсти-то завяз — выбраться не могу. А он-то колотит, он-то колотит! Насилу я ушёл. Думал, костей не соберу. До сих пор бока ноют. Зака́ялся¹ я мужиков морозить.

¹ Зака́ялся — разг., дать себе слово, не делать чего-либо впредь.

Морóзко

Живало-бывало, – жил дед да с другой женой. У деда была дочка и у бабы была дочка. Все знают, как за мачехой жить: перевернёшься – бита и недовернёшься – бита. А родная дочь что ни сделает – за всё гладят по головке: умница.

Падчерица и скотину поила-кормила, дрова и воду в избу носила, печь топила, избу мела ещё до свёту... Ничем старухе не угодить – всё не так, всё худо.

Ветер хоть пошумит, да затихнет, а старая баба расходится – не скоро уймётся. Вот мачеха и придумала падчерицу со свету сжить.

– Вези, вези её, старик, – говорит мужу, – куда хочешь, чтобы мои глаза её не видали! Вези её в лес, на трескучий мороз.

Старик затужил, заплакал, однако делать нечего, бабы не переспоришь. Запряг лошадь: – Садись, милая дочь, в сани. Повёз бездомную в лес, свалил в сугроб под большую ель и уехал.

Девушка сидит под елью, дрожит, озноб её пробирает. Вдруг слышит – невдалеке Морозко по ёлкам потрескивает, с ёлки на ёлку поскакивает, пощёлкивает. Очутился на той е'ли, под которой де'вица сидит, и сверху её спрашивает:

– Тепло ли тебе, девица?

– Тепло, Морозушко, тепло, батюшка.

Морозко стал ниже спускаться, сильнее потрескивает, пощёлкивает:

– Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?

Она чуть дух переводит:

– Тепло, Морозушко, тепло, батюшка.

Морозко ещё ниже спустился, пуще затрещал, сильнее защёлкал:

– Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная? Тепло ли тебе, лапушка?

Девица окостеневать¹ стала, чуть-чуть языком шевелит:

– Ой, тепло, голубчик Морозушко!

Тут Морозко сжалился над девицей, окутал её тёплыми шубами, отогрел пуховыми одеялами.

А мачеха по ней уж поминки справляет, печёт блины и кричит мужу:

– Ступай, старый, вези свою дочь хоронить!

Поехал старик в лес, доезжает до того места, – под большою елью сидит его дочь, весёлая, румяная, в собольей шубе, вся в золоте, в серебре, и около – короб с богатыми подарками.

Старик обрадовался, положил всё добро в сани, посадил дочь, повёз домой. А дома старуха печёт блины, а собачка под столом:

– Тяф, тяф! Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину замуж не берут.

Старуха бросит ей блин:

– Не так тьякаешь! Говори: «Старухину дочь замуж берут, а стариковой дочери косточки везут...»

Собака съест блин и опять:

¹ Окостеневать – утрачивать подвижность от холода.

– Тяф, тяф! Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину замуж не берут.

Старуха блины ей кидала и била её, а собачка – всё своё...

Вдруг заскрипели ворота, отворилась дверь, в избу идёт падчерица – в злате-серебре, так и сияет. А за ней несут короб высокий, тяжёлый.

Старуха глянула и руки врозь...

– Запрягай, старый, другую лошадь! Вези, вези мою дочь в лес да посади на то же место...

Старик посадил старухину дочь в сани, повёз её в лес на то же место, вывалил в сугроб под высокой елью и уехал.

Старухина дочь сидит, зубами стучит. А Морозко по лесу потрескивает, с ёлки на ёлку поскакивает, пощёлкивает, на старухину дочь поглядывает:

– Тепло ли тебе, девица?

А она ему:

– Ой, студёно! Не скрипи, не трещи, Морозко...

Морозко стал ниже спускаться, пуще потрескивать, пощёлкивать:

– Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?

– Ой, руки, ноги отмёрзли! Уйди, Морозко...

Ещё ниже спустился Морозко, сильнее приударил, затрещал, защёлкал:

– Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?

– Ой, совсем застудил! Сгинь, пропади, проклятый Морозко!

Рассердился Морозко да так хватил, что старухина дочь окостенела.

Чуть свет старуха посылает мужа:

– Запрягай скорее, старый, поезжай за дочерью, привези её в злате-серебре... Старик уехал. А собачка под столом:

– Тяф! Тяф! Старикову дочь женихи возьмут, а старухиной дочери в мешке косточки везут.

Старуха кинула ей пирог:

– Не так тывкаешь! Скажи: «Старухину дочь в злате-серебре везут...»

А собачка – всё своё:

– Тяф, тяф! Старухиной дочери в мешке косточки везут...

Заскрипели ворота, старуха кинулась встречать дочь. Рогожу отвернула, а дочь лежит в снях мёртвая. Заголосила старуха, да поздно.

Владимир Одоевский

Мороз Иванович

Жили-были Рукодельница да Ленивица, да с ними нянюшка. Рукодельница рано вставала и тут же за дело принималась. А Ленивица меж тем в постельке лежала, с боку на бок ворочалась.

Однажды с Рукодельницей беда приключилась: случайно упустила она ведро в колодец. Строгая нянюшка и говорит: «Сама ведёрко утопила, сама и доставай!»

Пошла Рукодельница опять к колодцу, за верёвку ухватилась да на самое дно и опустилась. Смотрит — перед ней печка, а из печки пирожок поглядывает да приговаривает:

— Кто меня возьмёт, тот со

мной и пойдёт.

Рукодельница вынула его и за пазуху положила. Дальше идёт, смотрит — в саду дерево, а на дереве золотые яблочки меж собою говорят:

— Кто нас с дерева стрясёт, тот себе возьмёт.

Рукодельница и натрясла яблочек в передник.

Дальше идёт, смотрит — старик Мороз Иванович на ледяной лавочке сидит.

— Здорово, — говорит, — Рукодельница! Спасибо тебе, девица, что пирожок мне принесла — давно уж я горяченького не ел.

Они вместе пирожком да яблочками наливными позавтракали, а потом старик сказал:

— Знаю, за ведёрком ты пришла; я тебе его отдам, только ты мне за то три дня послужи.

И вот пошли они в дом, а дом тот был весь изо льда, а стены были украшены снежными звёздочками блестящими, а на постели вместо перины снег лежал.

Принялась Рукодельница снег взбивать, чтобы старику спать было помягче, и руки у неё, у бедной, окостенели, но потёрла она их снежком, руки и отошли. А Мороз Иванович приподнял перину, а под ней — травка зелёная. Рукодельница удивилась: зачем старик травку на свет Божий не выпускает, он и ответил:

— Ещё трава в силу не вошла. Вот весна придёт, перина растает, травка заколосится, зерно выглянет, его крестьянин на мельнице смелет, и будет мука, а из муки ты хлебы испечёшь.

Потом старик спать на взбитую перину улёгся, а Рукодельница по хозяйству хлопотать стала. Так и прожили они три дня, а когда ей уходить надо было, Мороз Иванович сказал:

— Спасибо тебе, утешила старика. Вот твоё ведёрко, я в него серебряных пяточков насыпал, а ещё брильянтик — косынку закалывать.

Рукодельница поблагодарила Мороза Ивановича, домой пошла и там рассказала, что с ней приключилось. Нянюшка и говорит Ленивице:

— Видишь, что люди за работу получают! Опустись в колодец, найди старичка да послужи ему.

Пошла Ленивица к колодцу, да и бух прямо к дну. Печку с пирожком увидела, дерево с яблочками наливными — ничего не взяла, лень было. Пришла к Морозу Ивановичу с пустыми руками:

— Хочу послужить да за работу получить!

— Дельно говоришь. Взбей-ка мне перину, в доме чисто приberi, да кушанье приготовь.

Ленивица подумала: «Не стану я себя утомлять», — да и не сделала, что велел ей Мороз Иванович.

Старик сам кушанье сготовил, в доме прибрал да Ленивицу накормил. Прожили они три дня, и девица награду запросила.

— Какая ж была твоя работа? — удивился старичок. — Это ты мне должна заплатить, потому что я тебе служил. Да ладно, какова работа — такова награда.

Мороз Иванович дал Ленивице в одну руку огромный серебряный слиток, а в другую — большой-пребольшой брильянт.

Ленивица старика даже не поблагодарила, домой радостная побежала. Пришла и хвастается.

— Вот, — говорит, — я не сестре чета, не горсточку пяточков заработала...

Не успела она договорить, как слиток серебряный да брильянт растаяли и полились на пол...

А вы, детушки, думайте-гадайте, что здесь правда, что неправда, что шутки ради сказано, а что в наставление...

Иван Соколов-Микитов

Зима в лесу

1

Голый и холодный шумит лес.

Плохо осенью в лесу белякам-зайцам.

Сквозь деревья далеко видна зимняя заячья шубка.

Пушистым снегом накрылись деревья, побелели лесные полянки. Обрадовались беляки-зайцы. Теперь никто не увидит их белую зимнюю шубку.

2

Собрался по первой пороше охотник звериные следы считать.

Много следов в лесу. Вот пронеслась от дерева к дереву лёгкая белочка, вот ночью хорёк проскакал. Вот пробежала через поляну осторожная, хитрая лисица.

Идёт охотник по лесу. Где тетерева спугнёт, где белку подстрелит.

Под большой толстой корягой нашёл он медвежью берлогу.

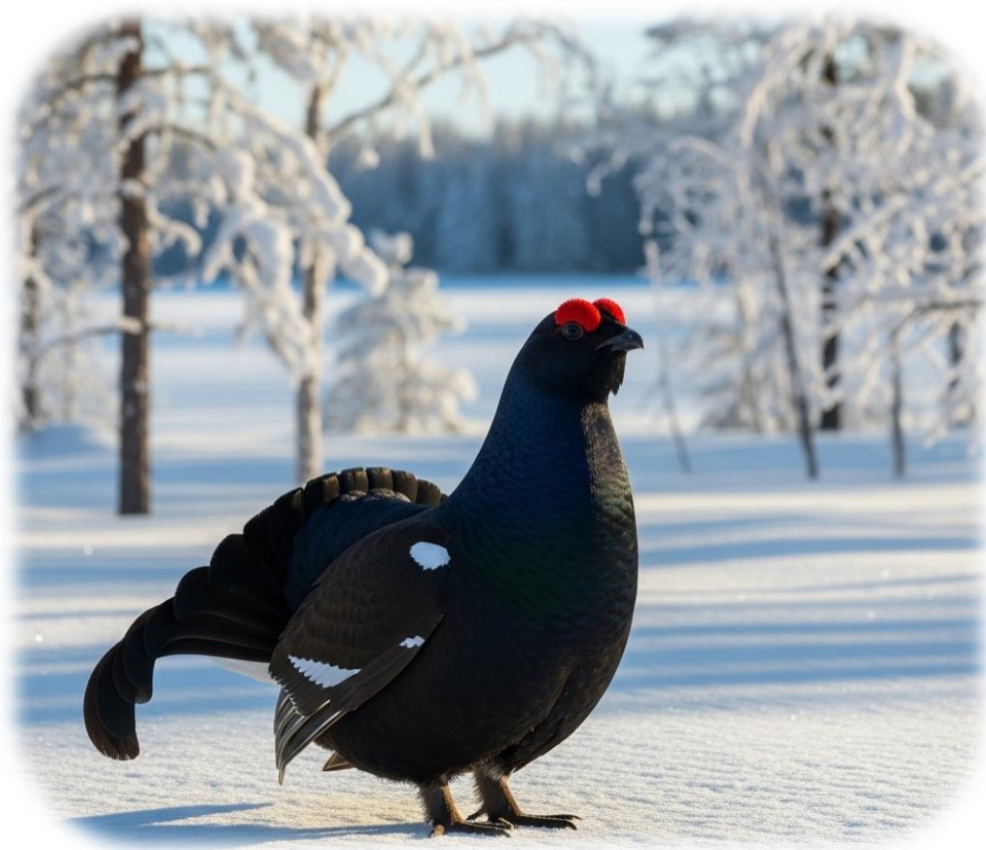
3

Лучше всех в лесу лежебоке-медведю. С осени приготовил запасливый Мишка берлогу. Наломал мягких еловых веточек- лапок, надрал пахучей смолистой коры.

Тепло и уютно в медвежьей лесной квартире. Лежит Мишка, с боку на бок переворачивается. Не слышно ему, как подошёл к берлоге осторожный охотник.

Тетерева́

Взошло, заиграло над лесом весёлое зимнее солнышко, зажгло янтарным светом снега. Вылетели из ночных лунок, из глубокого пушистого снега красавцы тетерева, расселись на освещенной солнцем, украшенной кружевным инеем берёзе. Кормятся, отдыхают тетерева. Клюют берёзовые душистые почки. Спокойно гуляют под деревьями, оставляя на чистой скатерти снега красивые крестики своих следов. Большими дружными стаями всю зиму живут тетерева. На ночь зарываются в снег, делают в сугробах глубокие ямки — лунки. Не достанет в снегу тетеревов их злейший враг — ястреб. Не найдёт и сам хитрый лисовин. Издалека видит старый лисовин, как кормятся, сидят на берёзах, гуляют по снегу красивые, нарядные тетерева. Слюнки текут у лисовина...

Беляк и Куница

Проходили по лесу лóси, на шумели. Услыхал зайчишка-беляк, как шумят близко лоси, выскочил из-под ёлки, прижал уши к спине и помчался со всех заячьих быстрых ног куда глаза смотрят, куда ноги несут. Бежит по лесу зайчишка и не оглядывается, ничего не видит. Кажется, ему, вот-вот догонят, затопчут его огромные лоси. А на сосне злая куница сидит. Нацелилась куница, оскалила острые зубы, хочет прыгнуть вниз – поймать зайчишку. Не видит зайчишка куницы. Прижал к спине уши, мчится со всех ног мимо сосны. Нет, не поймать кунице быстроногого зайчишку-беляка. Прыгнет с дерева, промахнётся — и прости-прощай! Далеко-далеко умчится от неё на своих быстрых ногах длинноухий зайчишка-беляк.

У старой сосны

Душистой смолою пахнет бор.

У освещённой солнцем старой сосны резвятся весёлые проказницы-белки. Радуются они тёплому солнышку, светлой весне. Сменили к весне свои пушистые серые шубки. Рыжими стали у белок их спинки, пышные хвосты.

Всю долгую зиму жили белки в высоком лесу. От ветра и стужи прятались в тёплых гнёздах, забирались в глубокие дупла деревьев. С ёлки на ёлку, с сосны на сосну носились по лесу, грызли смолистые тяжёлые шишки.

Много забот будет летом у белок. Нужно выкормить маленьких бельчат, собрать и спрятать в дуплах запасы орехов, засушить грибов.

В голодные годы, когда мало в лесу орехов и шишек, белки пускаются в далёкие и опасные путешествия. Смело переплывают они широкие реки, перебегают открытые поля, забегают в многолюдные селения и города.

Никому в лесу не делают вреда миролюбивые весёлые белки.

С сучка на сучок, с вершины на вершину друг за дружкой гоняются они по деревьям, встречают светлую, тёплую весну.

Весело, радостно играют у старой сосны проказницы-белки.

Медвежья семья

На освещённую солнцем лесную поляну вывела медведица своих маленьких медвежат.

Испугалась медведей быстрая куница.

Остановилась, слушает осторожная медведица: всё ли спокойно в лесу?

Жмутся к матери маленькие медвежата. Страшно им в огромном лесу. Только недавно выбрались из тёплой берлоги.

Прислушиваются медвежата, как шумит ветер в высоких лесных вершинах, как пересвистываются и поют невидимые птицы, а на сухой сосновой макушке дятел выстукивает барабанную дробь.

Будут медвежата теперь привыкать к родному лесу, играть и кувыркаться по мягким кочкам, взбираться на деревья.

Трудно увидеть медведей.

Далеко слышит и чует медведица. Не увидишь и не услышишь, как уйдут, тихо скроются в тёмном лесу чуткие звери.

На краю леса

Выше и выше над лесом солнце.

Вышла на край леса старая лосиха с длинноногим новорождённым лосёнком, задремала на тёплом весеннем солнышке лосиха.

Учится бегать маленький лосёнок. Спотыкаются о высокие кочки его длинные ноги.

Ласково пригревает в редком лесу весеннее солнышко. Уже надулись на деревьях душистые клейкие почки. Из надломанной лосями берёзовой ветки прозрачными каплями сочится сладкий сок.

Отражая высокое небо, синими кажутся в лесу весенние лужи. А над синими лужами, над обогретой, пробудившейся землёй, в золотых лучах солнца «толкуют мак» комары-толкунцы. Золотистыми пуховками распустились кустики ивы. Под деревьями зеленеют обросшие брусничником кочки.

Хорошо пахнет в весеннем лесу!

Задремала на солнышке старая лосиха. Чутко слышит она каждый шорох, каждый тревожный звук.

Беззаботно резвится у её ног маленький лосёнок. Знает он, что ни серому волку, ни злой разбойнице-рыси не даст его в обиду чуткая и сильная мать.

Владимир Орлов

Ночной гость

По утрам туман сиреневый
Вьётся около берёз
И от солнышка весеннего
В чащу прячется мороз.
Он бежит, сверкая пятками
И остатком серебра.
Он теперь гулять украдкой
Может только до утра.

Здравствуй, Родина моя!

Утром солнышко встаёт,
Нас на улицу зовёт.
Выхожу из дома я:
– Здравствуй, улица моя!

Я пою и в тишине
Подпевают птицы мне.
Травы шепчут мне в пути:
– Ты скорей, дружок, расти!

Отвечаю травам я,
Отвечаю ветру я,
Отвечаю солнцу я:
– Здравствуй, Родина моя!

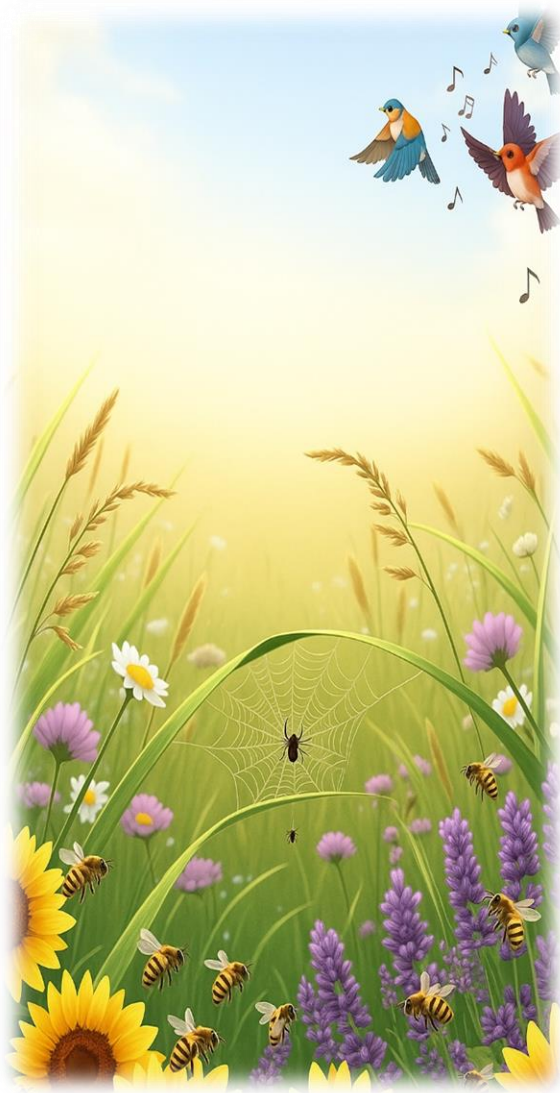
Живой букварь

Нас в любое время года
Учит мудрая природа:
Птицы учат пению.
Паучок терпению.

Пчёлы в поле и в саду
Обучают нас труду.
И к тому же в их труде
Всё по справедливости.

Отражение в воде
Учит нас правдивости.
Учит снег нас чистоте.
Солнце учит доброте:
Каждый день, зимой и летом,
Дарит нас теплом и светом.

И взамен ни у кого
Не попросит ничего!
У природы круглый год
Обучаться нужно.
Нас деревья всех пород,
Весь большой лесной народ
Учат крепкой дружбе.

Иван Суриков

Лето («Ярко солнце светит...»)

Ярко солнце светит,
В воздухе тепло,
И, куда ни глянешь,
Всё кругом светло.
По лугу пестреют
Яркие цветы,
Золотом облиты
Тёмные листы.
Дремлет лес: ни звука, —
Лист не шелестит,
Только жаворонок
В воздухе звенит.

Михаи́л При́швин

Моя родина

Мать моя вставала рано, до солнца. Я однажды встал тоже до солнца, чтобы на заре расставить силки¹ на перепёлок. Мать угостила меня чаем с молоком. Молоко это кипятилось в глиняном горшочке и сверху покрывалось румяной пенкой, а под той пенкой оно было необыкновенно вкусное, и чай от него делался прекрасным.

Это угощение решило мою жизнь в хорошую сторону: я начал вставать до солнца, чтобы напиться с мамой вкусного чаю. Мало-помалу я к этому утреннему вставанию так привык, что уже не мог проспать восход солнца.

Потом и в городе я вставал рано, и теперь пишу всегда рано, когда весь животный и растительный мир пробуждается и тоже начинает по-своему работать.

И часто-часто я думаю: что, если бы мы так для работы своей поднимались с солнцем! Сколько бы тогда у людей прибыло здоровья, радости, жизни и счастья!

После чаю я уходил на охоту за перепёлками, скворцами, соловьями, кузнечиками, горlinkами², бабочками. Ружья тогда у меня ещё не было, да и теперь ружьё в моей охоте необязательно.

¹ Сило́к – петля из конского волоса для ловли птиц и мелких животных.

² Го́рlinkа – древнее русское название небольших голубей.

Моя охота была и тогда, и теперь – в находках. Нужно было найти в природе такое, чего я ещё не видел, и, может быть, и никто ещё в своей жизни с этим не встречался.

Перепёлку-самку надо было поймать силками такую, чтобы она лучше всех подзывала самца, а самца поймать сетью самого голосистого. Соловья молодого надо было кормить муравьиными яичками, чтобы потом пел лучше всех. А поди-ка найди такой муравейник да ухитрись набить мешок этими яйцами, а потом отманить муравьёв на ветки от своих драгоценных яичек.

Хозяйство моё было большое, тропы бесчисленные.

Мои молодые друзья! Мы хозяева нашей природы, и она для нас кладовая солнца с великими сокровищами жизни. Мало того, чтобы сокровища эти охранять – их надо открывать и показывать.

Для рыбы нужна чистая вода – будем охранять наши водоёмы. В лесах, степях, горах разные ценные животные – будем охранять наши леса, степи, горы.

Рыбе – вода, птице – воздух, зверю – лес, степь, горы. А человеку нужна родина. И охранять природу – значит охранять родину.

